

Капитализм — это альтернатива Догматический марксизм... или хуже! Дискуссия с Жижеком Дуэйн Руссель ¹

Перевод с английского: Жюли Реше.

Оригинал: Duane Rousselle. "Capitalism is The Alternative: Dogmatic Marxism... Or Worse! A Debate with Slavoj Žižek." *The Philosophical Salon*, June 2021, <https://bit.ly/2Vcz8Df>.

В 1868 году Первый Интернационал начал раскалываться на две большие группы. Одна из них включала анархистов, в том числе Михаила Бакунина. Эта группа выступала за антипарламентскую программу, дистанцированную от государства. Другую группу составляли марксисты, которые возразили анархистам за отсутствие внятной альтернативной политической стратегии. Этот раскол продолжал расширяться, пока не зашел в фундаментальный тупик во время Гаагского конгресса в 1874 году. В следующем году Бакунин опубликовал свою резкую критику марксизма в «Государственности и анархии», утверждая, что марксисты, следуя парламентской программе, могут стать даже хуже, чем предыдущие правители: «Если взять самого яркого революционера, наделить его абсолютной властью, в течение года он станет хуже самого царя». Этот раскол повторялся много раз на протяжении истории. Например, Дэвид Грэбер утверждал, что анархизм часто мотивируется этико-политическими соображениями, в то время как марксизм ограничивается областью политической стратегии. Существует соблазн предположить, что марксизм — это проблемная консеквенциалистская доктрина, заинтересованная в достижении коммунизма любыми необходимыми средствами. Это опасное прочтение слишком тесно связывает марксизм с ужасами сталинизма.

На мой взгляд, проблема с рассуждениями Грэбера заключалась не в том, что марксисты снова были изображены неэтичными и авторитарными (в то время как анархисты — как поистине моральные агенты), а в том, что анархисты изображали себя лишенными серьезного стратегического видения. Но действительно ли у анархистов не было серьезной стратегической альтернативы капитализму? Более точно будет утверждать, что стратегические наклонности анархистов (их бесконечные попытки продемонстрировать жизнеспособные альтернативы) на самом деле привели их к наивным этико-политическим воззрениям. Проблема была скорее в том, что у них всегда было

слишком много ответов относительно альтернатив государственному капитализму/социализму. Возьмем, к примеру, работу Петра Кропоткина, который утверждал, что альтернативное общество уже существует в природе (выраженное через принцип «взаимопомощи»). Пьер-Жозеф Прудон уже изложил альтернативу и утверждал:

Анархия — это порядок без силы.²

После Гаагского конгресса анархисты продолжали исследовать альтернативные негосударственные возможности: Колин Уорд обратил внимание на антииерархическую федерацию почтовой службы, Ричард Дж. Ф. Дэй выделил организационные принципы «новейших социальных движений», англоязычные анархисты разработали «префигуративные политики» и т. д.

Марксисты и анархисты обычно объединяются в группы в соответствии с совершенно разными дискурсивными логиками. Используя Лакановскую терминологию, Марксисты часто группируются под «именем отца» (например, марксизмом, троцкизмом, ленинизмом, сталинизмом и т. д.). Анархисты же часто оказывались в рамках структуры социальных связей, основанных на «имени отца» только для того, чтобы спровоцировать эту самую структуру и обнажить разрыв внутри нее. Например, анархисты присоединились к Первому Интернационалу и впоследствии спровоцировали его раскол на основе своего противостояния абстрактному принципу власти. Анархисты организовывались в соответствии с этико-стратегическими практическими принципами, создавая сообщества под такими ярлыками, как анархо-синдикализм, мутуализм, коллективизм и мятежничество. Что же скрепляло каждую группу? Очевидно, что они оказались вовлеченными в разные повороты господствующего «дискурса господина». Проблемные ранние отношения двух групп продемонстрировали, что анархисты действовали как истерики, а марксисты — как обсессивные невротики: первые как «прекрасные души», провоцирующие авторитет, не осознавая, каким образом это вовлекает их собственное желание, а вторые делая последовательной стратегическую коммунистическую политическую программу (тем самым игнорируя или преуменьшая потенциальные этические последствия).

Но в чем проблема сегодня?

Раскол, который когда-то характеризовал отсутствие отношений между анархистами и марксистами, теперь действует в принципиально иной среде, которая отдает предпочтение этико-стратегической практической ориентации. Если раньше раскол провоцировал диалоги и дебаты, публикацию статей и книг, то теперь он делает прямо противоположное: он преждевременно прекращает дискуссии. Таким образом, если кто-то считает, что у его политического или интеллектуального оппонента другая точка зрения

(«непоследовательная»), то она немедленно отвергается без всякого обсуждения. Это стратегия не спора, а отмены. «Имя отца» как организующий принцип социальной связи рухнуло, и теперь мы попали в лакановское «... или хуже». Проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня внутри лакановских левых, — это не обязательно «лакановская идеология», а скорее идеология, которую сам Лакан обозначил в своем более позднем учении. В своем семинаре «... или хуже» (“... ou pire”), он сказал:

С моей позиции содействия аналитическому дискурсу,
ясно, что я считаю его, по крайней мере потенциально,
той структурой, которую я обозначал термином дискурс.
Посредством дискурса [...] провоцируется социальная связь.
Однако это было замечено без всякого психоанализа.
Это даже то, что принято называть идеологией.³

Другими словами, наша ситуация характеризуется тем, что Славой Жижек однажды назвал «упадком символической эффективности». Прежний патриархальный Другой, бесосновательно организовавший наши социальные связи, пал, породив новую и гораздо более травматичную ситуацию. Сегодня мы действительно живем в... или худшие времена, без исключения.

Важно помнить, что семинар Лакана «... или хуже» в конечном итоге привел его к утверждению о *Y'a de l'un*, Одним. Если когда-то Лакан утверждал, что говорящие существа находятся в области «языка» (как в его эссе 1953 года «Функция и поле речи и языка в психоанализе»), то теперь мы находимся в поле Одного:

[В] первую очередь возьмите, если хотите, поле,
которое широко обозначается как поле Унарного.⁴

Что такого особенного в Одном, которое составляет это поле? Я цитирую Лакана:

Есть что-то от Одного, нет ничего другого.
Одно ведет диалог в одиночку,
поскольку получает собственное сообщение
в инвертированной форме.
Это он [sic] — знающий, а не тот, кто должен знать. (там же)

Нам не нужно слишком далеко заглядывать, чтобы найти подтверждение точки зрения Лакана. Возьмем колонку, написанную Славоем Жижекком для RT, в которой он утверждал следующее: когда американский президент Джо Байден взглянул в глаза Владимира Путина и увидел убийцу, Байден на самом деле видел только отражение своей души.⁵ Но мы должны пойти дальше этой логики: не могли бы мы также утверждать, что, когда Александрия Окасио-Кортес (АОК) смотрит в глаза своим политическим оппонентам и показывает, что они говорят или пишут «недобросовестно», она раскрывает что-то важное относительно самой себя?

Существует парадоксальная согласованность Одного с окружающей его средой, Одного, кто заранее знает намерения, мотивы и т. д. Другого. Проблема с критикой АОК сегодня заключается не только в том, что она действует как «предохранительный клапан» для истеблишмента Байдена, перенаправляя радикальные освободительные движения в демократическую партию, хотя, как мы со Славоем оба утверждали, это определено верно. Ситуация гораздо более тревожная: проблема с АОК в том, что она и Байден слишком сильно внутри поля деятельности унарного. Любая критика АОК заранее подразумевает, что среди ее собеседников действует некое «зло», «недобросовестность» или «привилегия». Таким образом, это заранее нейтрализует все критические комментарии и гарантирует, что АОК останется единственной оппозицией, или, если использовать американское выражение, «единственной игрой в городе». Другими словами, альтернативы нет именно потому, что она — (единственная) альтернатива. Все разнообразные критические точки зрения мгновенно устраняются, потому что исключен раскол, который когда-то оживлял политический диалог. Но некоторые из американских правых уже нашли свое решение: Бен Шапиро гордится тем, что ведет «добросовестные» политические дебаты со своими интеллектуальными оппонентами, стремясь честно и искренне прочесть их позицию (можно даже сказать «буквально»). Билл Махер — среди очень немногих левых политических комментаторов, поступающих таким образом.

Нам все же следует сделать еще один шаг и предложить очень радикальный вывод: мы, среди радикальных лакановских левых, также вовлечены в это новое поле Одного. Когда мы обвиняем Жака-Алена Миллера в сексизме и трансфобии, как это сделали многочисленные участники недавнего симпозиума «Желание психоанализа», мы должны спросить себя, как это указывает на что-то от Одного. В нашей спешке с суждениями и в наших поспешных интерпретациях его недавнего текста *Docile to Trans*, разве мы не избежали внимательного прочтения или «имманентной критики» в пользу непреднамеренного отражения наших собственных сообщений обратно самим себе? Некоторые из наиболее видных из сегодняшних лаканианцев даже публично заявили, что им «противен» и «смущает» Миллер, и, возможно, они больше не хотят признаваться, что принадлежат к группе «лаканианцев». Я полностью согласен с замечанием Джеймисона Уэбстера о чувстве

«отвращения»: «вы должны найти желание, которое похоронено в отвращении. Отвращение может стать очень комфортным, поскольку оно возвращает вас к самому себе». Вполне может быть, что Миллер — трансфоб, но мы должны спросить себя, что такого в «трансфобии» Миллера, что нам требуется в качестве точки идентификации, чтобы вернуть нас к самим себе как к Одному.

Единое группы внутренне непротиворечиво, оно ни в чём не испытывает недостатка. Единое свидетельствует о своем одиночестве, как Джеймс Джойс, полностью погруженный в свою особенность, замкнутый в себе. Лакан объяснил следующее о Джойсе:

Портрет художника [англ. A Portrait of the Artist]... вы должны писать
Художник, делая ударение на определенном артикле [англ. the].
Если он говорит the, это потому, что он действительно считает,
что [...] он только один. Он сингулярен.⁶

Таким образом, следует отличать [the] лакановских философов от [the] миллеровских. Каждый считает себя только одним, пронизательно наблюдающим за происходящим в его области, но, тем не менее, защищенным от внутреннего раскола: есть марксистская идеология и есть лакановская идеология. Лакан соотнес этих «одних в одиночестве» с «женской логикой», поместив их где-то после краха патриархального «имени отца»: «или в худшем случае — заметьте мое слово — она может отдать ему должное». Это новая истерия (я склонен назвать ее миллерией), организованная не вокруг прежнего политического раскола, характерного для анархистов и марксистов, а истерия одних в одиночестве.

Этико-стратегический импульс согласуется с окружающей средой, по отношению к которой он считает, что достиг некоторой критической дистанции. Как это выразил Славой? Я цитирую эссе, опубликованное в *Crisis & Critique*: «Когда господин теряет свой авторитет и истеритизируется [...], авторитет снова появляется в замещенной форме [...] под видом авторитета нейтрального экспертного знания («это не Я, кто оказывает влияние, я просто констатирую объективные факты и/или знания»)). Для Славоя в рамках сегодняшнего капитализма дискурс истерика функционирует по-другому: «капитализм характеризуется параллаксом истерии и университетских дискурсов [...], сопротивление капитализму характеризуется противоположной осью господина и аналитика». Это захватывающий вывод, и мы должны быть готовы следовать ему, чтобы увидеть, к чему он нас приведет. Но является ли АОК таким типом «господина»? Я не совсем уверен. Однако среди лакановских левых циркулирует идея, что Жак-Ален Миллер является именно таким типом фигуры «господина», которая запрещает доступ к удовольствию и не позволяет каждому иметь их собственное аффирмативных пространство для

экспериментов (например, удерживая тексты Лакана, посредством запрета на включение в свои группы по мотивам политической деятельности и т. д.).

Для Славоя «настоящий господин не является агентом дисциплины и запретов; его послание не «ты не должен!» и не «ты должен...!» но вместо этого «ты можешь!». Можно задаться вопросом, насколько эта третья позиция отличается от современной логики прагматического капитализма: действительно, невозможное заявление «ты можешь!» никогда настолько не соответствовало американскому демократическому процессу, как во время избрания президентом Обамы: «Вы можете сделать невозможное! Вы можете выбрать президента афроамериканца — “Да, мы можем!”». В современном контексте того, что я в другом месте назвал «американской мудростью» (идеология «конкретных аффирмаций», а не «универсальных запретов», не «ты не должен наслаждаться» и не «ты должен наслаждаться», но «иногда можно») разве проблема с Миллером, это не проблема господина, который в рамках института своей школы «возвращает нас к себе, погружая нас в бездну нашей свободы?»

Миллер в своей работе *The Turin Theory of the Subject of the School* сформулировал это так:

[Лакан] продвигается вперед в одиночестве субъекта
в связи с причиной, которую необходимо защищать и продвигать.
Он продвигается и представляет себя не как субъект,
предлагающий себя как Идеал, а как субъект,
имеющий отношение к Идеалу. [...]
Если бы произошло аннулирование функции Идеала,
не было бы общины Школы. [...] Лакан возвращает каждого
к его [sic] одиночеству как субъекта [...] в тот самый момент,
когда Лакан устанавливает коллективную формацию,
его первые слова — диссоциация [раскол] и выдвижение
субъективного одиночества [...] Это парадокс школы.

Таким образом, когда Габриэль Тупинамба заявляет, что миллеровский институт психоанализа должен быть подвергнут сомнению, он, кажется, упускает из виду эту фундаментальную лакановско-миллеровскую структуру школы: разве она не функционирует именно в поле Одного в качестве революционного прорыва? В некотором роде то же самое сделал Берни Сандерс на инаугурации, когда он, скрестив ноги, сидел со своим конвертом и варежками: он отстранился от всего зрелища и установил, непреднамеренно, новую социальную связь со всеми, кто не идентифицировал себя с идеалом американской демократии, но, тем не менее, имел отношение к идеалу.

Странная правда, что марксизм (вообще говоря) приблизился к классической анархической позиции за последние 150 лет. Внутри Америки марксизм часто является позицией, которой придерживаются наряду со многими другими формами культурной критики, или, что еще хуже, его критикуют за то, что он догматичен, эссенциалистский, редуционистский, вульгарный и так далее. Тем не менее, фундаментальная позиция догматического марксизма состоит в том, что *существует раскол* и что подавляющее большинство из нас как группа составляют именно этот раскол, или, как выразилась Аленка Зупанчич:

Марксистская концепция пролетариата [...] обозначает точку конкретной конститутивной негативности в капитализме, точку не-отношения, запутываемую и используемую им. Пролетариат — это не сумма всех рабочих, это концепция, которая определяет симптоматическую точку этой системы, ее отрицаемую и эксплуатируемую негативность.⁷

Догматический марксизм действует против классического анархистского соблазна выдвигать этико-стратегические, практические или прагматические соображения. Сегодня любая позиция, не играющая в прагматическую политику, считается догматической. Предполагается, что мы уже знаем это заранее. В догматике сегодня сразу же обвиняют и того, когда влюбляются, потому что этот человек больше не экспериментируют со всеми возможными сексуальными альтернативами, или, также, когда кто-то становится внимательным читателем текста, таких как текстов Лакана или Миллера (теперь такого человека быстро обозначают как субъекта «лакановской идеологии», как если бы это было сразу очевидно). Проблема, следовательно, не в том, что марксизм не видит мудрости этических горизонтов анархизма, а скорее в том, что в этом мире он часто становился чем-то вроде того, чем был классический анархизм в старом мире Первого Интернационала. Это даже заставило Сола Ньюмана утверждать, что анархизм, очевидно, стал истинным горизонтом всей радикальной политики. Да, но в этом и проблема!

Внутренний раскол, характерный для Первого Интернационала и Гаагского конгресса, переместился в другой регистр. Этот раскол внутри (радикальных) левых исчез. Когда такое происходит, тот же самый раскол все чаще возвращается с удвоенной силой как ложный раскол вне себя. Таким образом, АОК провоцирует ложный раскол внутри Демократической партии: она полностью соответствует основным жестам Демократической партии (отметим также, что истеблишмент Байдена также играет в эту игру ложного раскола, утверждая, что Национальный комитет Демократической партии является единственной альтернативой Трампу). Именно по этой причине я до некоторой степени согласен с аргументацией Славоя: «В конфликте между АОК

и Демократическими левыми [...] кто менее плох? У меня возникает соблазн использовать старую формулу Сталина: они оба хуже». Да, они оба хуже, но, как дураки и негодяи, они оба хуже не одинаковым образом. Мы не должны так быстро причислять Берни Сандерса и АОК к одному лагерю. Принимая во внимание, что АОК следует прагматической логике «ты можешь!», Сандерс «нарушил зрелище двухпартийного единства» (слова Славоя). Не означает ли это, что функция Сандерса заключалась не в том, чтобы сместить раскол, а, скорее, в том, чтобы оккупировать его, быть тем, кого совершенно не интересуют эти глупые прагматические ритуальные зрелища?

Для Славоя Сандерс был «одинокой фигурой, скептически относящейся к фальшивой нормализации, устроенной на церемонии». Сандерс на тот момент был действительно одиноким,... бесполезным,... всецело отверженным; немного похоже на образ «святого» у Лакана, о котором он говорил в «Телевидении». Сегодня мы являемся свидетелями появления новых движений в Америке, которые также устали от Демократической партии как от единственной игры в городе. Например, недавний раскол в движении Black Lives Matter произошел из-за того, что они устали от решений, аналогичных лейкопластырю и бесконечного пособничества Демократической партии. Мы не должны воспринимать эти шаги как демонстрацию некоторого наивного желания вернуться к эссенциалистской идентичности или как радикальную позу и утверждение аутентичности/пуризма. Это не те люди, которые отвергают «грязную работу» прагматического политического участия. Эти новые движения выражают разрыв в поле Одного, конец господства всеобщего отбрасывания. Возможно, в некотором смысле марксистская прагматическая поддержка АОК действительно ничем не отличается от прагматичных электоральных шагов (Славой и некоторые из его последователей раскритиковали поддержку Миллером Эммануэля Макрона на недавних национальных выборах). Славой пишет в своем предисловии к вышеупомянутой книге Габриэля Тупинамбры:

[Идеология Лакана иллюстрируется] миллеровской политизацией психоанализа в его политическом движении Zadig, где либерально-демократический выбор напрямую легитимирован в терминах Лакана.⁸

Я считаю что это указывает на опасность политики во времена... или хуже. Это проблема функционирования в среде, исключаящей раскол, вокруг которого исторически организовывались левые радикалы. Этот раскол заменяется прагматической этико-стратегической практикой «одних в одиночестве», которые позиционируют себя как единственную альтернативу более отстраненным или догматическим возможностям. Разве американский капитализм не оправдывает себя тем, что бесконечно противопоставляет себя Китаю, России, тоталитаризму, фундаментализму и так далее? Таким образом,

когда Славой написал мне, что он в основном согласен с моей критической позицией по поводу АОК, «но какова твоя альтернатива?»⁹ — это напомнило мне вопрос, который марксисты бесконечно задавали анархистам с момента появления раскола в Первом Интернационале. Но времена изменились. В новой политической обстановке мне кажется, что на вопрос Славоя нет ответа, потому что альтернативы не существует. Более того, альтернативой является американский демократический капитализм, без исключения. По этой причине анархизм сегодня совсем не представляет угрозы для системы. Вместо того, чтобы пытаться разыграть альтернативные этико-стратегические проекты, мы должны вернуться к непрагматическому (догматическому) марксизму или, возможно, даже к лакановской идеологии.

Bibliography

- Прудон, Пьер Жозеф. «Признаниях революционера» (1849).
- Lacan, Jacques. ... *Or Worse: The Seminar of Jacques Lacan* Book XIX (Medford, MA: Polity, 2018).
- Lacan, Jacques. *The Sinthome, The Seminar of Jacques Lacan*, Book XXIII (Medford, MA: Polity, 2005).
- Miller, Jacques-Alain. “The Turin Theory of the subject of the School.” *The 1st Scientific Conference of the Scuola Lacaniana Di Psicoanalisi*. May, 2000.
- Žižek, Slavoj. “Against Lacanian Ideology.” Tupinamba, Gabriel. *The Desire of Psychoanalysis* (Northwestern University Press, 2021).
- Zupancic, Alenka. *What is Sex?* (Cambridge: MIT Press, 2017).

Примечания

- ¹ Дуэйн Руссель, доктор философии, является приглашенным профессором социологии в университете Гранд-Вэлли в Мичигане, США. Среди его последних книг — «Jacques Lacan & American Sociology: Be Wary of the Image» (Palgrave, 2019), «Lacanian Realism: Political and Clinical Psychoanalysis» (Bloomsbury, 2018), и «Post-Anarchism: A Reader» (Pluto Press, 2012).
- ² Пьер Жозеф Прудон. «Признаниях революционера», 1849.
- ³ Jacques Lacan. ... *Or Worse: The Seminar of Jacques Lacan* Book XIX (Medford, MA: Polity, 2018) 131.
- ⁴ Там же, 108.
- ⁵ Интересно, что Путин сделал такое же заявление вскоре после публикации статьи Славоя.
- ⁶ Jacques Lacan. *The Sinthome, The Seminar of Jacques Lacan*, Book XXIII (Medford, MA: Polity, 2005) 6.
- ⁷ Alenka Zupancic. *What is Sex?* (Cambridge: MIT Press, 2017) 33-4.
- ⁸ Slavoj Žižek. “Against Lacanian Ideology.” Gabriel Tupinamba, *The Desire of Psychoanalysis* (Northwestern University Press, 2021) xi-2.
- ⁹ Личная переписка со Славоем Жижекком.